

А.К.Симонов, президент Фонда защиты гласности

В этом самом зале у нас была конференция, которая называлась «Судьбы гласности», на которой многие из вас были, где мы обсуждали судьбы гласности с 1996 по 2001 годы и опыт ее защиты с 1991 по 2001 годы.

Я открыл свое выступление пятилетней давности. Начинать я следующим образом (мне просто интересно себя процитировать): «Свободы слова в стране пока не получается. Нет соответствующих законов, нет традиций, да и потребность в этой, да и во всех иных гражданских свободах оказалась в обществе не столь острой, как нам казалось. И потому навыки использования свободы слова не сформировались ни у населения, ни у дворников, ни у политиков, ни у журналистов». Прошло пять лет. Я подписываюсь под каждым словом. Не буду вас мучить дальнейшим цитированием. Но могу сказать, что на самом деле все то, о чем мы говорили пять лет тому назад, все те опасения, которые были пять лет тому назад, до сих пор живы. А все наши надежды, которые были пять лет тому назад, практически не сбылись. Сбылась одна надежда, и я считаю, что это на самом деле совсем не плохо. В 2001 году у нас было ощущение, что под очень сильным давлением и под угрозой находится Закон о средствах массовой информации.

Два года тому назад мы уже считали, что еще немного и еще чуть-чуть, и Индустриальный комитет или кто-нибудь из других акторов (как теперь принято выражаться, меня научили этому слову недавно, может быть, я неправильно его употребляю) выступят с этой инициативой и предоставят нам многофигурную композицию о защите средств массовой информации от журналистов или что-нибудь в этом духе. Потому что те проекты законов, которые мы видели, равно к этому и клонились.

Могу с радостью сказать, подытожить, что прошло пять лет, а Закон о средствах массовой информации по-прежнему тот же. В общем, не сильно испохабленный и не сильно изгаженный, вполне действующий закон. Это очень хорошо.

Второе «хорошо» – уже более диалектично. Второе «хорошо» заключается в том, что в феврале прошлого года пленум Верховного Суда было принято постановление об исках и защите чести и достоинства и о судах... Почему я говорю, что хорошо? Потому что пять лет тому назад в том же самом докладе я говорил о том, что мы уже этим занимаемся несколько лет, что господин Лебедев нас обманул и что до сих пор этого нет. Так вот понадобилось от того времени еще три года, и, наконец, Верховный Суд созрел.

Мы с Михаилом Александровичем Федотовым принимали участие и в обсуждении, и в составлении, и в редактировании этого постановления. Оценивали – он повыше, я пониже, поскольку он министр, а я – нет, у нас немножко разная по уровню точка зрения: Михаил считает, что он на 90 процентов удачный, я считаю – на 75-80 процентов удачный. Но, тем не менее, согласитесь, это большой прорыв.

Почему говорю, что неполный успех? Потому что после этого, прочитав о том, что иски не должны быть разорительными по отношению к средствам массовой информации, и сумма исков не должна превышать разумные пределы и не должна служить к разорению тех, к кому предъявляются претензии, иски выросли во много раз.

Это называется по системе: съест то он съест, да кто ж ему даст. По этой схеме, к сожалению, равно после этого возникло дело «Альфа-банка» к «Коммерсанту» и дальше покатилось. Сегодня считается неприличным требовать со средства массовой информации меньше миллиона. Это как бы вроде не звучит, вроде честь и достоинство просто меньше уже оценивать нельзя. Не знаю, как, но по чести они все миллионеры.

В этом смысле сказать, что мы достигли определенного успеха, – да, достигли в семь лет. Здесь среди книжек, которые лежат на этом столе, есть книжка «Судебная власть и средства массовой информации» – это результат нашего исследования 95-96-х годов. Здесь присутствуют многие люди, которые пахали под руководством Александра Рувимовича Ратинова, создавая эту книгу и сопровождая это исследование. Это было серьезное исследование. Оно легло в основу возникшего переговорного процесса. От 95-го до 2005 года – считайте, десять лет в общей сложности от начала исследования до принятия этого постановления.

Мы существуем в такой парадигме, где на самом деле надо твердо представить себе, что в России надо жить долго. Но я вам должен сказать: если каждое постановление, которое хотелось бы принять, придется готовить и пробывать по десять лет, то, боюсь, нам придется жить очень долго – так долго, что так уже не живут.

Я с этого и начал, именно про это и говорил.

Нам пятнадцать лет. Всё хорошо. Думаем вроде довольно много, а удовлетворения нет. Я хочу вкратце попытаться сформулировать, то есть я не могу сказать, почему нет. Нет его. А почему – это наша коллективная задача в этом разобраться.

За пятнадцать лет у меня возникло, например, первое ощущение, когда я об этом думал: не устарили ли мы? Вроде у нас те же самые партнеры. Но может быть, они не те? Вроде у нас те же самые клиенты. Но может быть, они не те? Может быть, не то содержание мы вкладываем в те книги, которые издаем.

И, наконец, еще возникает один печальный вопрос, на который я не знаю ответа. Может быть, мы выбрали не ту страну для своей деятельности, в которой эта деятельность могла бы быть очевидной, в достаточной мере успешной и что самое главное – на стороне эффективности, то есть на нашей стороне, а мы постоянно стараемся, чтобы он был на нашей стороне, где на нашей стороне закон. Но выяснилось, что мы не одни в этом пространстве, что даже наше имя уже многократно использовано какими-то странными и непонятными организациями. Точно так же, как я все время жду, что возникнет некий клон московской-хельсинкской группы, как возник клон Союза журналистов, как возникали в виде «Медиа-Союза», как возникали другие клоны.

У меня все время ощущение, что нам грозит не только раздвоенность, может быть, даже расстроенность и даже расчетверенность. Как вернуться к своей уникальности? Да, мы – уникальная организация. И все равно нам нужно эту уникальность не носить перед собой в качестве знамени, а чем-то подтверждать.

Содержание должно быть уникальным. Наше содержание нашей работы перестало быть уникальным.

Я уже не говорю о том, что многое из того, что мы делаем, мы делаем по накатанному, делаем по привычке, делаем по привычным схемам. Значит, есть с чем сравнивать. Я сравниваю, например, с работой Интерньюс, который ухитряется даже абсолютно традиционное мероприятие каждый раз заворачивать в какую-то новую, яркую и очень убедительную воздействующую на участников, зрителей, публику, которая туда приезжает, упаковку. Эта новая упаковка каждый раз очень новая. И, более того, эта упаковка очень сильно влияет на содержание. То есть вроде бы традиционно, но по-новому.

Раньше было время местное, а теперь называется: время действовать. Это в принципе то же самое, но это все по-другому. Мы, к сожалению, не обладаем ни такой мобильностью, ни такой изобретательностью. То есть с этих позиций я бы тщательно пересмотрел. Но дело заключается в том, что я это пересмотреть не могу.

Потому что с самым замыленным зрением, с самыми замыленными мозгами человек в Фонде – это я. Потому что когда-то я был у истоков этих вещей. Я их изобретал, я с ними начинал возиться, работать. И совершенно естественно, что именно мои мозги самые замыленные в этом плане.

Находимся ли мы в кризисе? С моей точки зрения – нет. Но хотя бы потому что все наши службы (я надеюсь, каждая служба сегодня здесь понемножку вам доложит о своем направлении) действуют, они стали намного более компактными. Они стали более работоспособными. Я считаю, что Фонд сейчас физически в очень хорошей форме. У нас почти нет лишнего веса. Пожалуйста, Тимошенко, Полоничкий – почти нет лишнего веса. Тот личный вес, который есть, скажем, у нас с Натальей, к весу Фонда никакого отношения не имеет. В Фонде лишнего веса нет. Он в хорошей физической форме.

Вопрос заключается в том, а есть ли кризисные явления? На мой взгляд, есть. Сейчас я зайду с другого бока. Страна, на мой взгляд, испытывает кризис демократии. Раньше мы шли поперек в движении. То есть чем больше сложностей, трудностей, или чем более экзотические приключения были со страной, тем уверенней и надежней мы себя чувствовали, потому что мы стояли на твердых опорах права и знали, что мы делаем. Поэтому нам было нестрашно.

Сегодня вроде стоим на тех же опорах. Страна куда более управляема и куда менее экзотически движется, абсолютно понятно направление движения, а столкновений не получается, мы их боимся. Мы проигрываем в этих столкновениях. Мы, например, не можем вступить даже в реальный диалог, чтобы столкнуться. У нас возник определенный кризис аутентичности.

Короче говоря, приезжаем в Пензу. Ни одного человека от власти на разговор. Приезжаем в Самару – на второй день появляется один человек от законодательной власти. А называется это взаимодействие власти и прессы в информационном пространстве. Скажите, пожалуйста, сколько же можно обсуждать взаимодействие без взаимодействиях? То есть наш адресат испытывает глубоко кризисные явления.

Раньше три-четыре года тому назад от встречи с нами они считали, что что-то зависит. Мало того, они встречу с нами искали, и она им была в той или иной степени интересна. Сегодня они ее не ищут. Она им не интересна, и они ничего от этих встреч не ждут. Это, на самом деле, очень сильно меняет нашу стратегию, должно сменить нашу стратегию. А мы ее пока не сменили. Поскольку у нас есть, как всегда это бывает, грант, то мы тупо следуем в одном направлении, указанном грантом, который мы уже сформулировали два года тому назад, когда подавали на него, и как бы он уже сформировался.

Маневренность и грант и работа по грантам – это вещи трудно совместимые. Говорю это в присутствии грантодателей, потому что, к сожалению, эта практика повсеместно и все про это знают.

Еще одна любопытная деталь. Раньше мы учили власть нашему языку. Мы говорили, как называются вещи, связанные со свободой слова, демократией и т.д.

Сегодняшняя власть владеет этим языком несколько не хуже нас. Другой разговор, что она имеет в виду под этими словами. Но слова они произносят намного лучше, чем мы. Дело заключается в том, что во власть пришли люди пять-семь лет тому назад еще, по крайней мере, пришли обслуживать власть, в том числе и те, которые были в наших рядах.

Откуда взялось большинство сегодняшних пресс-секретарей? Они что, возникли из небытия? Их что, специально выращивают в специальном питомнике или берут у соседних журналистов, причем стараются брать наиболее успешных, наиболее умелых? И чем они становятся через полгода? То есть я к тому говорю, что власть, во-первых, научилась говорить на языке либеральных идей и либеральных реформ. И, во-вторых, за эти пять лет она окончательно и основательно разобралась в структуре и деятельности всех некоммерческих организаций.

Чем был Гражданский форум, как я теперь понимаю? Это называлось смотром сил. Только мы думали, что это мы смотрим, а они понимали, что смотрят-то они. Мы пашем, а они смотрят. Они посмотрели и достаточно ясно поняли, с кем можно иметь дело, а кого надо тем или иным способом потихоньку маргинализировать. Это еще одно иностранное слово. Сейчас как раз к этому перейду и на том закончу.

Уже возникла целая серия событий, и они уже получили какое-то даже определенное освещение. Я чувствую, что есть попытка нас маргинализировать. То есть превратить, если хотите, в идейных бомжей. Нам часто не отвечали, потому что нечего было ответить, когда мы выступали. Сегодня нам отвечают с ужасающей регулярностью, но не назначены те, кто нам отвечает. Например, с Натасей Ростовой мы пытались защитить Александра Косвинцева от господина Тулеева. Была бы реакция Тулеева или не было бы реакции Тулеева, была бы какая-то реакция полпреда или не было бы реакции полпреда, но реакции в Русском журнале, где подробно освещается, почему мы – козлы, раньше не было. И дело же не в том, чтобы бороться с нашими аргументами, а дело в том, чтобы ополчить наши аргументы. Это совсем другая вещь. Я ведь не говорю об уничтожении. Я говорю именно о маргинализации, т.е. ополчение, и этим занимаются серьезные и знающие ребята.

На сегодняшний день к вопросам – что делать и кто виноват? – в общем, добавляется вопрос житейский – как быть? Как быть, если есть одна проблема, которую я лично никак не могу уложить в прокрустово русло какой бы то ни было программы, а вопрос стоит чрезвычайно остро. У меня ощущение, что мы проходим На самом деле, у нас в стране на сегодняшний день наступил кризис языка.

Что я имею в виду? Во-первых, профессиональные сообщества по сути дела отделились от общества. Каждый из них выработал свой язык. На этом птичьим языком они разговаривают друг с другом. Есть медицинский язык, есть юридический язык. Мои юристы скажут, что я с ними борюсь уже не первый год. Но это мои юристы,

они работают в Фонде защиты гласности. И поэтому, с моей точки зрения, эти юристы должны уметь разговаривать на понятном людям русском языке, а не только на птичьем, юридическом. Но огромное количество птичьего, юридического языка.

Недавно я выступал в Высшей школе экономики, и начал с того, что, ребята, я от вас получил приглашение и пришел специально потому, что ни одного слова в вашем приглашении не понял. Название вашей конференции звучало так замечательно, что я лично не понял ни одного слова, и только, когда мне, позвонив, объяснили, о чем будет речь, я охотно пришел, чтобы рассказать вам, что я ничего не понимаю из того, что вы друг другу говорите. И глубоко убежден в том, что вы тоже друг друга не понимаете. Потому что, с моей точки зрения, грамотный человек, серьезно владеющий русским языком и предметом, о котором он говорит, может о нем сказать так, чтобы быть понятым не только коллегами по профессии.

Но ведь возник такой же язык у правозащитников. Вот ведь где начинаются проблемы-то. Мы друг с другом тусуемся, разговариваем, а когда выходим на публику, то мы испытываем недостаток нормальных слов. Мы должны переводить этот свой правозащитный язык на язык, доступный людям. А тогда защитой чьих прав мы занимаемся?

Еще одна вещь. Я уже сказал о языке либеральных ценностей... Вспомните 1991 год. Какие главные претензии к команде Гайдара? Не претензии экономического свойства, а претензии словесного свойства. Они же не могли объяснить, что они делают. Они не желали этого делать. Они были такие умные, что они замечательно, как говорится, готовы были все сделать сами. А объяснить это нормальному среднему, понимающему, между прочим, русский язык человеку, у них просто, что называется, времени и сил не хватило. Кого они хотели иметь интерпретаторами? Они считали, что журналисты будут интерпретировать. Но дело заключается в том, что для того, чтобы интерпретировать, надо хорошо понимать, что ты интерпретируешь.

Поэтому это были «голые» реформы, которые могли быть очень успешными, а оказались очень опасными в результате абсолютного непонимания. Вот эти вещи постоянно сейчас происходят с разными подразделениями общества.

Был в Перми. Там были уже правозащитники более молодого поколения – 40-летние, 30-35-летние. В общем, сравнительно молодые ребята. Это было очень приятно, потому что они говорят то же самое. Они говорят: мы оторвались от масс, мы не знаем, как зацепиться за массовое сознание. У нас нет ни этого языка, ни этого инструментария. Значит, может быть, все правозащитное движение в известной степени находится в кризисе? Может быть, мы просто частный случай этого?

Вот те вопросы, которые я хотел поставить и которые я предлагаю, кроме вопросов о наших книжках, о которых здесь можно было, как говорится, рассказать много чего, поскольку мы с Марией Кирилловной самые старые члены этого Фонда. И каждая из этих книжек, почти каждая, особенно те, которые были вначале, например, напоминают о каких-то замечательных делах или людях. Например, книжка «Германское законодательство» или... «Закон об электронных средствах массовой информации» связаны с Катинкой Дитрих.

Только-только открылся в Москве Дом Гете. Директор этого Дома Катинка Дитрих очень хотела поспособствовать гласности. В результате возникла, буквально, чуть ли не первая книжка. Первая-то книжка (очень этим горжусь) здесь лежит. В 1991 году первую книжку издали на средства Фонда защиты гласности. Там очень скромно это написано на контур-титule. Это Закон о средствах массовой информации – авторский вариант 1991 года. Это то, что тогда написали Батурин, Федотов и Энтин. И вот тогда же мы это только-только на самые первые деньги напечатали эту юридическую литературу.

Так что, с одной стороны, путь мы прошли большой. С другой стороны, стоим, на мой взгляд, перед закрытой дверью. Я считаю, что и то, и другое имеет право быть обсужденным на нашей с вами сегодняшней конференции.

Спасибо всем, что вы пришли, и спасибо вам за то, что вы есть.